

Наталья Бочка

Барин

<https://litres.ru/74220757>

Аннотация

Крепостная крестьянка Люба, купленная ещё подростком, ненавидит нового хозяина за то, что разлучил с матерью. Случай заставляет барина присмотреться к Любе повнимательнее. Петухов, привыкший к полному подчинению слуг, недоволен строптивой крестьянкой. Что сильнее своевластие или молчаливая борьба? Кто выиграет в этой битве, он – имея все возможности для победы, или она – крепостная, но ненавидящая и гордая? И будет ли в этой истории победитель и побеждённый?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Возможно, и не приключилось бы этой истории, если бы не получил молодой помещик Петухов извещение о том, что разорившийся помещик Хромов, живущий за сто вёрст, по причине больших долгов продаёт крестьян.

И не случись на ту пору большой мор меж крестьян самого Петухова. Так что и зерна на полях чуть не треть перезрело – некому убирать было.

От двух этих обстоятельств история и приключилась.

– Батюшка, кормилец, голубчик, Христом Богом молю, не разлучай! Буду, где направишь, хоть в поле, хоть в свинарник. Пойду, куда скажешь. Молю, батюшка, голубчик, не разлучай!

Пожилая крестьянка в грязных лохмотьях ползала по соломё, что густо устилала пол в просторной избе. Женщина причитала и срывалась на рыдания. Голос её, пронзительный и резкий, неприятно тревожил слух. Петухов старался отстраниться от протянутых к его сапогам рук.

– Не губи, поимей милость, батюшка! Не разлучай с кровиночкой! Не разлучай, батюшка!

Петухов брезгливо поморщился.

– Убери, – зло зыркнул на крепкого крестьянина и мотнул

головой Хромов.

Мужик приподнял женщину и практически поволок за одежду. Она упиралась, цеплялась за все, что на пути вставало, а громкие её крики уже стали настолько дотошными, что хотелось поскорее избавиться от этих навязчивых нот.

– Ну что ж, – залебезил Хромов, только вынесли крестьянку. Глазки его будто жили своей жизнью – они то и дело перемещались с одного предмета на другой, лишь иногда останавливались на лице Петухова. – Думаю, вам, так же как и мне, собственно, приятна наша сделка. Извольте по такому случаю откусать. Хозяйка моя уж и на стол собрала.

– Некогда обеды сидеть, время поджигает. А посему благодарствую, Никанор Фомич, пора нам и в дорогу выдвигаться. Путь-то неблизкий.

– Нет, так нет. Не буду и настаивать.

На дворе людно. Телеги с купленными крестьянами. Несколько дюжих парней, что с ними справляются, коляска самого Петухова и с пару десятков провожающих.

Хромов проводил до крыльца, глянул на двор, махнул рукой, да чуть кивнув на прощанье, опять в избу вошел.

Когда коляска уже неслась меж полями, а деревня Хромова давно скрылась за холмом, Петухов спросил у управляющего:

– Что эта крестьянка так шумела?

– Вроде дочку Хромов отдал, а эту по старости не взя-

ли. Больная, мол, помрёт не сегодня-завтра, а деньги за крестьян немалые плачены. Хромов ни в какую уступить не желал. Что же нам за такую цену чуть не покойников за собой тащить?

— И то верно, — Петухов равнодушно глянул в окно и мысли его потекли в совсем другом направлении.

Планы у Ивана Ильича Петухова грандиозные намечались. Та деревня, что в имущественном у него владении, мала как-то показалась. Да и эпидемия сколько люду положила. Решил ещё крестьян подкупить да переселить. Благо средства сейчас пошли хорошие, нужно бы не в кубышку складывать, а на развитие хозяйства запустить. Так как поля у Петухова пространные, то в последние год-два случилось недостаток в рабочей силе почувствовать.

А тут совсем кстати помещик Хромов, сказывали, за долги расплачивается, крестьянами откупается. Недолго Петухов задумывался — когда ещё такая возможность получится? — написал Хромову. О цене сговорились. За крестьянами Иван Ильич решил лично приехать, с верными подручниками. Всё-таки в первый раз крупную сделку с людьми совершает. А купил ни много ни мало почти двести душ. Большой частью мужики до сорока пяти лет, женщины также, да пять десятков малолетних наберётся.

Известие о продаже крестьян пришло неожиданно, и на первых порах разместить такое количество людей было

негде, кроме как рассовать по избам в деревне, по амбарам да сеновалам. Но ввиду того, что рабочей силы очень прибавилось, в небольшой срок соорудили на окраине деревни вместительные бараки. В них-то и поселили всех вновь прибывших.

У барачков – всегда людно. Пока не на поле, бабы с корытами за стиркой, детишки скачут, меж белья шныряют. Вечером так вообще народу тьма. Порой весело, шумно. Часто ругань промеж бабами слышна, а то и у мужиков драка завяжется.

Поначалу чувствовалось – живут те бараки своей, отдельной от других крестьян жизнью. Иногда и меж деревенскими шумок ходил. Недовольство. Но чуть времени прошло, улеглось всё. Ведь и старожилы понимали, без прибывших крестьян как поля обрабатывать?

А у барина земли о-го-го сколько. Знай меряй, за неделю не померяешь.

Немного погода поутихло, вроде так и было. Пошло житьё обыкновенное. За год все пообвыкли, будто и жили здесь.

Ходили порой, те, что семейные, к барину на поклон, мол, избу бы сколотить – помоги. Пару раз Петухов не отказывал, семьи большие попались. Помогал где лесом, где и мужиков на постройку спровадит. Так ко второму году с дюжину семей в избы из барачков переехали. Разрослась деревня.

А Иван Ильич всё по купеческим делам. Товарную жилу поймал и сидит на ней, пока в пятьсот процентов за товар

дают, а как кончится спрос, что-то другое ухватит. Есть у Петухова чуйка торговая. Всякий раз именно то закупает, что вот-вот в цене взлететь должно. Тем и промышляет. Тем и денег больших заработать сумел.

Ничего, что молод. Ведь от роду Петухову всего-то двадцать два с копейками.

Помещик средней руки Иван Ильич Петухов мало что увидал из тех средств, что получил в наследство от батюшки. По той, собственно, причине, что кредиторы, которые оббивали пороги его дома, требовали немедленного погашения векселей и закладных, какие Петухов старший после скоропостижной смерти оставил.

Удивительно, но это обстоятельство вовсе не выбило Ивана Ильича из колеи, а напротив, даже разозлило и заставило предпринимать действия не совсем ему привычные. Купеческое дело до смерти отца мог только наблюдать, а тут пришлось влиться в него с головой, и даже бросить обучение в столичном университете. Для незамедлительного спасения того, что ещё осталось, от полного разорения. И конечно, своего собственного положения, а также положения матушки, что находилась теперь на полном попечении Ивана.

Как оказалось впоследствии, многое из того, что он почерпнул в науках экономических, успело тут же пригодиться. Возможно, именно пара лет обучения в заведении и дала такие результаты на практике. Ведь в первый год Иван успел

не только вернуть сумму, розданную кредиторам, а и умножить её вдвое. А ещё через год он уже философски воспринимал так поучительно прожитые в волнении годы. Теперь же точно рассудил, не покажись кредиторы с векселями, возможно, и энергия, что направилась на исправление положения, не появилась бы в нужный момент. В общем – выкрутился, и неплохо.

К двадцати двум годам он уже ловко управлялся с крепостными, имел полное на них влияние благодаря сердитому, не слишком приятному характеру. А ещё, благодаря крепким молодчикам, что толклись у дома, готовые выполнить любое поручение хозяина. А поручения эти довольно часто состояли в устрашении того или иного мужика, что от работы отлынивал, или бабу вредную приструнить по необходимости. В этих делах ребята очень старались, особенно что касается розог и всякого рода наказаний. Это – только дай.

Сидит Иван Ильич за небольшим столом, пишет. Тёмный вихор на лоб упал. Строгое лицо. Взгляд из-под бровей цепкий. Губы сжаты. Иногда поднимет голову от письма, смотрит в окно, что напротив. Глянет, задумается, потом снова пером водить. Остановится. Встанет. По комнате пройдёт. Ещё немного, и головой потолочных брёвен бы касался. Станом крепок, лицом хорош. Во всём его естестве – власть. Чувствовалось, что управляется он с людьми. Только одним своим видом управится в силе.

Пройдёт по комнате, снова сядет. Обмакнёт перо, и писать.

Резкий бой часов оторвал от мыслей. Дверь открылась и служанка Настя грациозно всплыла в комнату.

– Иван Ильич, отдохнули бы чуток, – она поставила на стол маленький поднос с чаем и пирожками, томно посмотрела на хозяина.

Он осмотрел служанку масляным взглядом.

– А что, можно и отдохнуть, – протянул Иван. – И не только.

Она присела на край стола и улыбалась той улыбкой, которой показывают лишь полное согласие и подчинение. В то время как он почти с таким же строгим лицом обхватил её стройный стан и потянул к себе на колени. Она с хохотом притулилась. Поцелуи их и вздохи некоторое время раздавались по дому, но все, кто находился в районе слышимости этой любовной возни, уж давно привыкли не обращать на неё никакого внимания. Молод, мол, барин, горяч. Что ж такого.

Настя – красивая, с соблазнительными формами, дворовая девка лет двадцати шести, давно в доме служила, ещё при барине покойном. Сказывали, будто и к нему в спальню заходила. А как отпрыск старшего Петухова Иван из долговязого отрока в дюжего парня вымахал, так и за него взялась, любовной науке обучила. А тот что – юноша влюбчивый, тут и поставил Настасью главной в доме. Ей же того

и надо. Чтобы не под чьим началом, а у самого барина под рукой. Так одно другому не мешает. Настя и в личных служанках и в бдительных любовницах состояла.

Если и пытались другие слуги кого-то из красавиц дворовых подослать, так Настя всех девок затмевала. А уж какими способами отличиться умела, одной ей известно. Но за столько лет ни одна другая девка больше чем на неделю в доме не задерживалась.

Ещё, может быть, и потому, что интересы Ивана Ильича не в том состояли. Он всё больше по экономическим наукам раздумывал. А что там девка какая, то без разницы. Что молодому взгляду нужно? Чтобы девка красивая под рукой была. Есть, значит, есть, а нету, ну и не надо. Вон их тьма тьмущая по двору ходит, всегда кто-то найдётся.

Знала Настя эту его особенность, оттого никого другого не допускала. Поэтому уже несколько лет в доме одни мужики прислуживали или малолетние, что в конкуренты к красавице Насте никак не годятся. Да ещё старая экономка Фёкла, что с барыней, матушкой Ивана Ильича, смолоду дружбу тесную держала.

О каком-то влиянии на молодого барина говорить не приходилось. Это служанка поняла однажды, когда заикнулась было про вольную. По тому холодному взгляду, каким посмотрел Иван Ильич и сказал: «Иди работай», – она поняла, лучше такой темы не касаться.

Единственное, что теперь занимало больше других забот,

это чтобы в какой-то момент не пришлось ей переместиться с домовых служанок – в дворовые. Вот что тревожило. А значит, и обязанности свои должна выполнять так, чтобы и не было у Ивана Ильича даже мыслей о новых молодых и красивых служанках. Даже мыслей.

Но чем дальше она окутывала его своей навязчивой любовью, тем больше стал он отстраняться. И приходилось Насте приспосабливаться. Ловить малейшие перемены в его неустойчивом поведении. И пытаться понять, хочет он её присутствия или не хочет. Трудно дело, но исполнимо.

За окном пасмурно. В эти майские дни то и дело накрапывал дождь. Небо, порой с недолгими просветами, всё никак не утомлялось.

День за днём, по дворам грязь. По-другому как? Во все стороны паутины досок постелены. То и дело барин ругает. Не подготовились к дождям, снова дорожки не засыпали. Сейчас-то что уже? Сухих деньков придётся дожидаться.

В доме тепло и уютно. Всякий раз натоплено, аж жарко. Иногда и окошко открыть приходится, чтобы барыня не упрела. Она женщина тучная, чуть что, в жар её кидает. А то, наоборот, холод прошибёт. Жалуется всем – и Фёкле, и сыну, и слугам, что в доме встречаются.

Ольга Филимоновна – барыня добрая. Без дела слугу не обидит, а вот если причина есть, может и по спине кочергой перетянуть. Стукнет, а потом оправдывается, сам, мол, ви-

новат, отчего поручение плохо исполнил. А вообще, дворовых она жалела. Не то чтобы всё для них готова сделать, нет. Но вот словом всегда вспомнит о тяжелой жизни крестьян.

Внешность барыни значительная. Выдающаяся. А всё из-за роста. Очень уж высокая и плотная. Плотной-то она не всегда была, только когда за тридцать пять годков перевалило, так и стала талия расширяться. И что интересно, не по часам, но по дням – точно. Волосы барыня сильно чернила. Ведь если так оставлять, чуть не половина седых волос. А подчернишь, всё не так видно.

Черты у Ольги Филимоновны несколько для женского лица грубоватые. Глаза чуть навывкате, крупный нос и довольно толстые губы. В молодые годы всё как-то привлекательней казалась. А в сорок пять расширенные черты стали уже не столь интересны, а где-то даже и вовсе нехорошо выглядели.

Но во внешности своей Ольга Филимоновна никогда изъянов не находила. Всегда в зеркале собою любовалась и подсказывала служанке, как и что получше украсить.

В столовой накрывали. Уже приборы по столу расставлены, закусочки да соленья. Барыня прохаживалась тут же, следила за движениями Митьки, столового слуги. К нему, она редко претензии имела. Больно исполнительный мужичок. Всё у него как полагается, всё кстати. Иногда только она пальцем ткнёт и скажет:

– Глянь, вон фужер не слишком прозрачный, сейчас дру-

гой принеси.

Быстро Митька всё исполнит. За это и любила расторопного слугу.

– Вы уж тут? – Иван Ильич в столовую вошел. – А у меня аппетит просто-таки зверский. Вот сейчас поставь поросенка, кажется, всего осилю и косточки обглодаю. Так набегался.

Ольга Филимоновна улыбнулась, самую лучезарную улыбкой. В сыне она души, что называется, не чаяла.

– Ванюша. Наконец, сокол. А я уж думаю, поспеешь или нет.

– Как тут не поспеть. До того увлечение меня взяло, что и забыл бы про обед, но с избы какой-то щами потянуло и так у меня в животе заурчало, я вам скажу, что просто не вмоготу. На часы глянул, так обедать самое время. Кинулся я домой. Вишь, успел.

– Если бы не пришел, клянусь, я бы сама тебе обед понесла. Не нужно, чтобы ты голодным дела совершал. Оно-то на пустой живот и не работается как надо.

– Тут вы, матушка, верно заметили. Я как голодный, так и вовсе думать не могу. Будто пустота в голове и дальше не идёт, – он расселся за столом и, поджидая, пока подадут горячее, жевал пирог с капустой.

Барыня поёжилась, и когда Митька вошел в столовую с большой супницей, обратилась к нему:

– А чего так стыло? Вели, пусть дров подбросят. Не ро-

вен час и замёрзнуть можно. Что ж я в своём доме кутаться должна?

– Сию минуту, барыня. Сделаем, – он поставил супник на стол и вышел.

Ольга Филимоновна открыла крышку посуды, и на свободу вырвался потрясающий аромат грибного супа. Иван Ильич даже выпрямился за столом, подтянулся в ожидании желанной снеди и в предвкушении зачмокал губами.

– Ах, матушка. Ну что за чудо, этот дивный грибной суп. Что за чудо.

Барыня с довольным тоже лицом налила себе и сыну, отломила кусок пирога и потянулась за грибочком, что приковыл её взгляд уже несколько минут. Она кольнула его вилкой, но непослушный гриб отскочил в сторону и Ольга Филимоновна, начала ковырять по тарелке в поисках именно этого гриба. В конце концов терпение её было вознаграждено, упрямец оказался наконец на вилке барыни.

Громко прихлёбывал Иван Ильич. К тому моменту, когда матушка только разжевала пойманный маринованный грибочек, сын уже доканчивал тарелку с супом и потянулся за новой порцией. Двери в этот момент снова открылись и в столовую вошел Митька с широким блюдом, на котором с задумчивым выражением на запеченном рыльце лежал поросенок, густо обложенный печеным картофелем.

Взгляд Ивана Ильича жадно шарил по блюду и совершенно не отреагировал на девочку с охапкой дров, что вошла

за Митькой. И только когда дрова с шумом опустились в поленницу, Иван Ильич недовольно обернулся и глянул на ту, что возилась у камина. Девчонка лет двенадцати нагнулась над дровами и громко шерудила в золе кочергой.

– Это что такое? – протянул Иван Ильич и злобно глянул на Митьку. – В другое время нельзя было?

Слуга засуетился.

– Любка, а ну пошла. Потом, – и он дёргал головой, показывая служанке, чтобы уходила.

Но та, словно глухая, продолжала возиться.

– Да что ж такое, – Иван Ильич громко двинул стулом и направился в сторону непослушной служанки, и когда приблизился, та метнула дикий взгляд на барыню, потом на Митьку, резко подняла кочергу и огрела ею барина по плечу изо всех сил.

Рёв Ивана Ильича слышали и на дворе. Когда Мишка и Сергей – охранники барина – вбежали в столовую, тот уже бил сапогом свернувшуюся на полу в калач преступницу. Он яростно размахивался ногой и отпускал по худенькому телу такие удары, какие не каждый мужик выдержит. Но девка молчала. Даже звука не издала.

Потом, барин опомнился и остановился. Он обернулся к присутствующим, посмотрел на лицо матери, полное ужаса, на лицо Митьки, что взгляд потупил, и на парней, что также не смотрели в глаза, и понял, что немного перегнул. Но боль в руке и ожег, что оставила неостывшая кочерга, говорили о

справедливости наказания.

Девчонку выволокли. Иван подошел к лавке и сел. Он не мог понять, что случилось. Посмотрел на мать. Та встала и вышла из столовой.

Отчего это случилось, никто так и не разобрался. Пытались объяснить, но не смогли.

Маленькую преступницу отослали на свинарник, находившийся в паре миль от деревни. Работа там считалась самой тяжелой и грязной. Никто из крестьян не хотел работать там. Отсылали туда самых строптивых, или в качестве наказания за провинности.

Спустя некоторое время случай этот почти забылся, всё списали на недалёкость ума девочки, и мало кто об этом вспоминал.

Глава 2

Много важных дел у Ивана Ильича. Без конца в разъездах по договорам да сделкам. Чуть не всю губернию обкатал, кое-где и в соседние заглянул. Везде поинтересуется, всюду побывает. Без усталости колесит Петухов по городам и деревням — денежную лямку мотает. Другой раз и по несколько месяцев в родном доме не показывается. Такое избрал себе беспокойное занятие и не жалуется. Напротив даже, чувствуется в нём какая-то ненасытность к денежным делам. Недоспать может, недоесть, только бы выгодную сделку устроить.

Бывало, ухватиться за какое-то дело, и не успокоится, пока не завершит. Слуг замучит, лошадей загонит, а по-своему поступит. С обозами вместе не ходил, всё опередить старался. Пока обоз с товаром идёт, Иван Ильич уж и до места доедет, там с делами управится и дальше.

Мужикам только знай, товары береги. А брал он таких в дорогу, что не один разбойник битым был. Те бандиты, что в лесах промышляли, в стороне от петуховских обозов норовили держаться. Оттого как наслышаны были о жестокости, с какой мужики петуховские с разбойничьей братией расправлялись.

По молодости своей и некоторой опаске торговал Иван Ильич пока только в губернии, но цель, была намного глубже продвинуться. Оттого и заглядывал в другие места. Дума его

всё дальше думалась. К тому и двигался. Лени не знал, всё на развитие дела положить готов.

А когда среди путешествий этих купеческих домой вдруг получится вернуться, устраивал себе заслуженный отдых, но недолгий. Всё казалось, если засидится, обязательно кто-то без него его товарами обогащаться начнёт. Оттого старался много не отдыхать. Чуть побудет, и снова в дорогу.

Возвращается как-то из дальней поездки. Резво лошадки бегут, лёгкую коляску везут. А деревня уж – вон она, на холме видна. Ещё версты три, и постель мягкая, и стол полный. Присматривается Иван Ильич, радуется возвращению.

Но тут лошади что-то ход замедлили. Кучер чертыхнулся.

– Что там? – Иван Ильич из коляски выглянул.

– Лошадь расковалась, подкова отлетела, теперь на заднюю припадает. Сейчас мимо кузни поедem, нужно бы завернуть, Иван Ильич. Не то две версты ещё, а потом сюда же и возврататься придётся. А кузня вон, за поворотом.

– Делай, – отозвался барин.

Чуть погода свернула коляска в сторону. Там, в отдалении двух вёрст от петуховской деревни, стояла кузня. Рядом хозяйство. Коровы, свиньи, куры. Это для того чтобы запахи отсюда, до барского дома, не долетали, да звуки с кузни барыню не тревожили.

Подъехали. Из постройки деревянной человек вышел. Это Данила – кузнец местный. Не поймёшь, то ли молод, то

ли стар. Борода черная с проседью чуть не всё лицо закрывает. Глаза с прищуром, с хитринкой. Фигура его некрупная, поджарая. Рукава до локтя закатаны, на загорелых руках жилы синюшные. Чувствуется в нём сила непомерная.

– Ну? – говорит. – Не больно-то много отбегала. А я еще когда говорил?

Гришка кучер с подножки прыгнул. Плечами пожимает.

– Приветствуем, барин, – Данила поклон отвесил.

Иван Ильич дверцу открыл и тоже на воздух вышел, потянулся всем телом.

– И тебе приветствие шлём. Как тут? Справляетесь без меня?

– Справляемся помаленьку, – Данила вроде как улыбнулся, но за бородой это не слишком увиделось.

– Пройдусь маленько, пока вы тут работаете. А то ноги затекли, нужно бы расходить. Заодно и хозяйство проверю.

– Воля ваша, – кузнец ответил. – Тут работы немного, коли торопитесь?

– Куда мне уже торопиться? Дом, вон он, на пригорке, а в хозяйстве, когда ещё побываю, всё некогда, – Иван Ильич повернулся и пошел в сторону густо настроенных, один к одному, широких сараев.

Хозяйство у Ивана Ильича, довольно обширное. Тут и коров с телятами небольшое стадо, пара племенных бычков. Свиней три дюжины, несколько свиноматок да два хряка. Гуси, утки, куры – устанешь пересчитывать. Кролей опять

же по клетям много выводов, да ещё плодятся. В общем, мяса полно, какого хочешь. К тому ж молочных продуктов не перечесать. А ну столько живности в тесноте содержать не слишком-то удобно. Вот и занимало то хозяйство обширную территорию.

Идёт Иван Ильич, осматривает. У кролей остановился, понаблюдал. Полная крестьянка из сарая вышла, поклонилась до земли.

– Доброго здоровья вам, барин.
– И тебе того же. Как тут, хозяйство моё, стоит?
– Стоит, барин, куда ж ему деваться.
– Это хорошо, что стоит, – кивнул довольно и дальше пошел.

В коровнике пусто. Видно, стадо в луга увели. Благо трава сейчас наливается. Сочная. Да и клевер полным цветом взялся. Самое то для скотины.

У свинарника Иван Ильич остановился. Смотрит, девочка навоз подгребает. Поросенок у неё меж ногами суетится, она его тихо так отталкивает и смеётся. Весело, заливисто. Гребёт навоз и смеётся. Босые ноги в коричневой жиже. Сарафан чуть не колом стоит от засохшей глины. Грязные волосы в хлипкой косе. Повернулась, щёки и лоб чумазые, лица не разберёшь. Смотрит Иван Ильич, всё равно узнал. Ведь это та девка, что кочергой его огрела.

Смотрит и дивится. Добрая она, видно, весёлая. А зачем кочергой его ударила, непонятно. Что такого он сделал ей,

чтобы так наказать хотела. Ведь вон, не злая она совсем. Почти ребёнок ещё. Но тогда, в столовой, как злобно смотрела, чуть не в горло вцепиться старалась. Отчего это?

Тут обернулась девчонка, барина увидала и словно кто её переменял. Взгляд сердитым сделался. Взяла лопату да пошла в сарай. И, видать, оттуда сквозь щель наблюдать стала.

Развернулся Иван Ильич и к кузне пошел. Не нужно, чтоб чего доброго она снова на него набросилась. Кто знает, что там у неё в голове творится.

Лошадь подковали, сел барин в коляску. Тронулись. А когда за поворот должны были свернуть, глянул Иван Ильич на сарай, а свинарка та у двери стоит и всё вслед смотрит.

О женитьбе Иван Ильич вовсе не задумывался. Хоть и повторяла матушка с навязчивым постоянством, что вопрос этот нужно уже давно и безотлагательно решать. Но молодой барин всякий раз, бывало даже с грубостью, матушку осаживал. Некогда, мол, свадьбы водить, дела нынче. Но Ольга Филимоновна не отступалась.

– Ты женись, – говорит, – да и делай свои дела, какие намечены. Но пора уже и семьёй разжиться, детишек завести.

Вроде понимал, права матушка, но так впопыхах не женишься. Это ведь поискать, присмотреться нужно. Да чтоб невеста понравилась. А то что же, на ком не попадая жениться? Нет уж.

А матушка и тут подсказала:

– Давай, – говорит, – я сама невесту присмотрю. А тебе только съездить глянуть на девицу останется. Да венчаться, пока суть да дело. А промеж поездками очень даже и можно. Невесту в дом уже мужики, коль что, перевезут, да ейное приданое.

– Ну, раз так, – согласился Иван Ильич. – Если эта возня от дела не слишком отвлечёт, то, пожалуй, можно и жениться.

– Ах, душенька, Ольга Филимоновна, вы только глазом моргните, я вам в два счёта всю губернию переверну, – говорила, жестикулируя при каждом слове, Лукерья Львовна.

Давняя знакомая Ольги Филимоновны мещанка Лузгина считалась в уезде главной свахой. Ни одна в округе свадьба меж купеческого или мещанского сословия без её участия не происходила. Настолько талантливо она всех совмещала, что и потом, спустя несколько лет после заключенных браков, добрым словом много кто Лукерью поминал. Случались и ошибки в её работе, но ведь без этого нигде не бывает.

Щуплая и подвижная фигура Лукерьи Львовны в ее сорок восемь лет не слишком выдающаяся, но зато в лице много интересного можно разглядеть. А первым делом нос. Тонкий такой, неестественно длинный, а на кончике, будто как обрезали. Глазки голубые и внимательные, а губами знай-то и причмокивает. Когда ест, причмокивает, и когда пьёт, и даже когда разговаривает, тоже причмокивает. То и дело губы

платочком вытирает.

Платье у Лукерьи Львовны всегда яркое. Будто кичилась она своими одеждами, и чтоб издалека узнавали. А ведь и помогало это неплохо. Бывало, идёт в том конце улицы, а с другого её уже и заметили и в дом тут же зазовут. Расспрашивают – как и чего. Да и сами что расскажут. А в деле Лукерьи – ой как это нужно. Ведь она всегда должна знать, где жених новый объявился. За иными ещё с отрочества приглядывает, ждет, когда в женихи созреют. А если парень не просватанный, так ей самое дело. Замечает, где девка засиделась, сколько приданого за ней дают, и какие условия для самой свахи, ежели дело состряпает. За девок-то больше благодарят.

В общем, хлопот полон рот. Ни одного дня Лукерья без дела не сидит. Перемещается по уезду. А и её труд – ой какой полезный получался. Ни одна сваха такой работы не выполняла, как она. Без усталости, без сна, порой и без отдыха. Что касается пропитания, в этом недостатка не было. Стоило постучаться в дом, где невеста засиделась, а таких через один, там и стол и угощение.

Раз в несколько месяцев навещалась Лукерья Львовна в деревню к Петуховым. Вопрос об Иване Ильиче на особом контроле. Матушка-то уж давно как о женитьбе заговаривает. А тот всё носится по делам, и всякий раз отмахивается. Случай сложный, когда сын не слишком к родительской воле прислушивается. Всё по-своему норовит.

– Как бы я рада была, если бы невестушку послушную Ваня в дом привёл, – жаловалась барыня. – Ведь сижу одна, не с кем, бывает, даже словом перемолвится. А так, хоть живой человек рядом. Со слугами-то барские дела обсуждать негоже. И то, порой книжку какую или стих прочитаю, и так, скажу я вам, хочется высказаться. А некому. Некому.

До того Ольга Филимоновна в этот раз огорчена, что даже в глазах слёзы показались.

– Ну-ну, матушка. Чай, беда-то твоя поправима.

– Как же поправима? Если я ему талдычу про это всякий раз, а он ещё и огрызается. Не твоё, мол, мать, дело. А если не моё, то чьё же тогда?

– Да. Тут вот так с налёту нельзя, матушка моя, тут верно хитростью нужно, – Лукерья хлебнула из блюдца и откусила баранку. – У человека другие интересы, а ты со своими лезешь.

– Посоветуй, Лукерья Львовна, ведь лучше тебя никто дело не состряпает. Устала я в одиночестве. Он мотается, а я сижу. Посоветуй милая. Как быть?

– А и посоветую. Значится так. Есть у меня на примете девка. Пригожая. Детки от неё с Иваном красивущие получатся. И недалеко, тут в соседнем городе. Савельева Егора дочка. Лавочника. Будет Иван мимо ехать, всё одно не проедет.

Ольга Филимоновна даже руки от умиления сложила на груди.

– Так мы поступим, – деловито продолжала Лукерья. – Как приедет Иван домой, передохнёт и опять в дорогу собирается, а ты матушка к нему. Так, мол, и так, передай письмо друзьям. Мол, в гости зовёшь, а то скучно тебе одной, одиноко. А я предупрежу Савельевых, чтоб ждали, коли чего. Да дочку всё больше вокруг Ивана обхаживать пускали. Он на девку только раз глянет, поверь моему наметанному в таких делах глазу. Один разочек глянет, сразу жениться засобирается. Это как пить дать.

– Если бы так, как ты сказала, сделалось. Вот бы чудно.

– Не сомневайся, матушка. Это я тебе – гарантию дам. Ты меня знаешь. Я за слова свои завсегда в ответе.

После отъезда свахи ещё долго ходила Ольга Филимоновна вдохновлённая. И надеждой налитая. Теперь она поняла, точно дело сдвинется.

– Ванюша, сыночек, – Ольга Филимоновна на крыльце радостно всплёскивала руками. – Как я рада. Просто несказанно рада. Что же вперёд никого не послал, я бы с обедом подсуетилась?

Коляска Ивана Ильича только въехала на подворье, а он уже на ходу выскакивает. Соскучился страшно. К матушке в объятья спешит.

– Маманя, дорогая, я и без обеда, что угодно проглочу, только дайте, – он расцеловал мать в щёки и тут же подался в дом. Она за ним.

– А чья это коляска мимо меня проехала? Не вашей ли приятельницы Лузгиной? Больно быстро промелькнула, я и разглядеть не успел. Догадываюсь – что за гостья.

– Она самая. Кто ж ещё ко мне приедет? Только Лукерья Львовна и вспоминает. Ну да будет про неё, ты сам-то как? Рассказывай. Сейчас, погоди, баньку распоряджусь и с обедом подгоню.

– Ох, и устал я в этот раз. Нужно бы отдохнуть.

– Ты, Ваня, всегда так говоришь, а потом – шашь, и нет тебя, за новыми делами. Я тебя толком и не вижу.

– Ничего, в этот раз точно отдохну, – Иван Ильич бухнулся на постель и ноги вытянул.

Ольга Филимоновна знала эти его обещания. Никогда ещё больше двух недель дома не задерживался. Всё тянет его куда-то. Заработать больше норовит. Она ему не слишком претензиями докучала, пока молод и силёнки на дело правое берутся, нужно использовать эту силу. А не то, чуть взрослее станет, и куда что денется. Засоловеет, разленится. Лучше уж сейчас пусть обогатится, чем потом ни силы, ни энергии, ни денег, ни хозяйства.

И вот, как и предполагала, посидел с недельку, отъелся хорошо, с Настькой служанкой накувыркался и уже в дорогу собирается.

А мамаша тут как тут:

– Письмецо возьми, в соседнем городе Л. как проезжать будешь, доставь по адресу. Да не просто доставь, если отобе-

дать пригласят, не отказывай. Друзья давние, чтобы не обиделись.

Взял Иван Ильич письмо и, помолясь на образа, с матушкой распрощался.

Небольшой опрятный городишко Л. по дороге, что шла от деревни Петуховых, первым стоял. Дома всё больше деревянные, но есть и каменных немного. Эти – в основном дома лавочников или мещан побогаче. Но и деревянные в полном порядке. С резными подоконниками, петухами да коньками. Заборы на разные лады выкрашены. У каждого по-своему. Улицы широкие булыжником гладким блестят.

Дом лавочника Савельева не самый роскошный, но зато добротный, что называется, на века. Толстые стены из камня, высокий цоколь, рядом массивные ворота. С другой стороны от ворот деревянная постройка в два этажа. Над крыльцом кованный фигурный козырёк, над ним вывеска: «Лавка Е. Савельева. Все товары».

По одному только взгляду на лавку становилось понятно – торговля кипит. Видно, и вправду всё там есть. Оттого и идёт народ целый день к Савельеву. У других лавочников специализация больно узкая. А тут – от гвоздя до кафтана, от конфет до осетрины. Всё, что душе угодно, что ни спроси – всё достанут. Даже если надо телегу или лошадь, в течение дня будет готово.

Потоптался Петухов у дверей, понаблюдал. Зашел, огля-

делся. А там! Добра не перечесть. И зерно, и подушки, и колбасы, и ткани, какие душе угодно, и даже для дамских украшений полочка нашлась. Усмехнулся Иван Ильич такому изобилию, но к удивлению заметил – народ толпится.

За прилавком шустрый маленький мужичок-продавец товары отпускает. С кого деньги берёт, кому в кредит записывает. В нарукавниках, со счетами, вежливый такой, обходительный. Хоть работа его нервная, а он всё одно терпение показывает.

Подошел Иван Ильич, о хозяине справился. Мужичок просиял тут же, как-то уж больно ласково посмотрел и в улыбке лучезарной расплылся:

– Сию минуточку, не извольте, сударь, беспокоиться, – и вышмыгнул в дверь позади себя.

Прошло верно не больше минуты, как в лавку вбежал, судя по виду – сам хозяин.

Савельев, невысокого роста, упитанный. Пояс под большим животом даже не виден. Волосы и борода от пышности то ли салом, то ли воском прилизаны. А лицо его хорошее, видно, человек справедливый, но и строгий. В лавку как вошел, глазами поискал, к Петухову, будто всю жизнь знал:

– Что же вы, Иван Ильич, стойте, прошу покорно, прошу. Ах, какой гость, какой гость!

– Да я вроде как осматриваюсь, – улыбнулся Иван.

– Проходите, милости просим, – зазывал Савельев.

Вошли в закрома лавки. Там Петухов сильно подивился.

Таких запасов давно он не видал. Имел дело с торгашами оседлыми, но чтобы столько в загашниках у простого лавочника, это впервые увидал. Понятно сразу, если у хозяина вдруг денег не будет на новые товары, тем, что в закромах, чуть не пару лет торговать можно.

Из лавки вышли на широкий двор. Савельев в дом пригласил.

– Раз уж приехали с такого далека, от матушки Ольги Филимоновны весточку привезли, как хотите, а без обеда я вас ну никак не отпущу.

– Да я и не отказываюсь. Мне матушка накрепко приказала вам своё почтение передать.

Савельев вошел в дом и крикнул так, что во всех сторонах точно, все, кто в доме, крик его услышали.

– Марья, Катерина, Василиса – гости у нас! Ну-ка выходите встречать!

После этого крика в доме что-то началось. Иван Ильич слышал отовсюду шаги, перебежки, но людей не видел. Странно всё показалось. Бегают, а не выходят. Удивился Иван Ильич и хозяину говорит:

– Не выходит никто.

– А, это они так балуются. Проходите, в гостиную, – он кивнул служанке, чтобы гостя провела, а сам в комнаты направился. – Сейчас всех соберу, кто где.

В гостиной, как у всех. Те же диванчики, тот же стол, образа, да кружево повсюду. Несколько комодов по стенам,

и на окнах горшки с геранью. Много таких гостиных Иван Ильич повидал, так что теперь все одинаковыми кажутся. С небольшими лишь отличиями.

Вошли в гостиную несколько девиц и женщина в возрасте. За ними Савельев. Встали все в линию, а он принялся их представлять.

– Супружница моя Марфа Васильевна, дочери Василиса, Марья, Катерина.

К каждой подходил Иван и ручку целовал. Сначала к матушке, маленькой плотной женщине с красными от возбуждения и радости щеками. Затем к дочерям. Василиса, худенькая с пугливым взглядом девушка, будто нездоровая. Марья, упитанная девица, похожая на мать, счастливо ему улыбнулась, и Иван сразу постарался отойти от неё.

И наконец – Катерина. Тут Иван остановился. Он вроде и понимал, что время, отведённое на взгляд при знакомстве, уже закончилось, но никак не мог заставить себя оторваться от её лица. Он старался, как мог, чтобы, не дай Господь, взгляд его не полез куда-то ещё, а там явно было куда залезть, тогда бы все каноны приличия были бы попорчены и нарушены. Он силился оторваться, но не мог. Даже дышать перестал на несколько мгновений. А остальные будто старались не мешать.

– Ну что ж, пора и отобедать, – услышал Иван Ильич голос хозяина и резко повернулся.

– Можно и отобедать, – весело и пришибленно сказал он.

Глава 3

Совершенной тайной оказалась, отчего так произошло, что в семье Савельевых старшая дочь родилась красавицей. Это было непонятно абсолютно всем. Но сам Егор Пантелевич лично двадцать пять лет назад новорожденную дочку из рук доктора принял. С тех пор клялся на все стороны, что такой красавицей она с самого рождения и была.

Говаривали, что, мол, кто-то детей перепутал. Будто родила Марфа Васильевна девочку-урода и так горевала, что страсть. А тогда проходили мимо паломники с новорожденной девочкой, попросились у двора отдохнуть возле лавки, да поесть малость, а служанка Савельевых взяла дитя подержать. Поносила, а потом другое дитя и отдала. Но это – только говорят. На самом деле как всё было – неизвестно.

Ни Егор Пантелеевич, ни супруга его Марфа Васильевна, с рождения за него просватанная, от природы никогда не обладали ни одним, даже самым малейшим проявлением внешней красоты. Оттого и удивление окружающих достигало невероятных форм. Иные шутили, мол, погуляла Марфа с красавчиком. Так если бы была у Марфы Васильевны возможность погулять, а ведь не было совсем, да и в слугах у Савельевых, никогда красавцы не ходили. Опять же непонятно, что за удалец мог на такую лягушку позариться.

А она и впрямь, точно лягушка. Внешность как раз лягу-

шачьей под стать. Глазки выпученные, рот плоский и будто по лицу в обе стороны растянут. Фигурка маленькая и кругленькая, а голова всегда приподнята, будто она всё время вверх смотрит. Ну чем не лягушка?

Две дочери, что вслед за Екатериной родились, совершенные копии отца и матери. Понятно было, когда и средняя и младшая дочери родительские черты унаследовали. Средняя прямиком как есть – в мать. Толстененькая и с такими же точно глазами и ртом. А младшая, чахленькая с рождения и немного всё же на отца похожа, но выпуклыми глазками – тоже в мать.

И вот скажите, откуда в этой породе статная красавица с формами? Ну никак не может быть. Остаётся только гадать. Что вышло, то вышло.

Красота-то красотой, но девица эта с характером очень скверным уродилась. В общении с ней не сразу понимаешь, что за человек, но чуть времени проходит, и поступки её сами за себя говорят. То служанку за пустяки поколотит, что та еле ноги унесёт, то коту на хвост наступит, а тот орёт на весь дом, то у отца целковый вытянет да на сестёр свалит. А ещё, как она себя несла, так это только смотреть поспевай. Важно, горделиво, высокомерно. Со знакомыми общается пренебрежительно, так что после с ней никто и встречаться не желает. В общем, характер препротивнейший.

Вот такое богатство родители Савельевы уж давно как мечтают с рук сбыть. Но по статусу за кого попало не хоте-

лось бы. А все местные статусные женихи давно уже про нрав Катерины наслышаны. Все отрещиваются, ни красота её, ни формы, ни даже папашина лавка не увлекают.

И вот появившись на ту пору сваха Лукерья Львовна. Савельевы ей чуть не в ноги бросились. «Помоги, матушка, шибко просим. Отблагодарим – а то».

С большим вниманием выслушала Лукерья Львовна слёзную родительскую просьбу. Она, вообще-то говоря, за дело бралась только когда чувствовала, что дело выгорит. А тут – задача сложная. Но пораскинула несколько умом, погадала на картах, сверилась со звёздами, и вполне себе рассудила, что, возможно, даже и получится партия, какую она наметила. Знала не понаслышке, а по опыту, что не слишком хорошие характеры иной раз очень между собой и ничего так сходятся. Верно оттого, что как никто такие люди друг друга понять в силах.

Сложила Лукерья в голове два плюс два и перед взором её Иван Ильич Петухов как месяц ясный предстал. Не стала дело в долгий ящик складывать, тут же и приступила. А Савельевым крепко накрепко приказала, как приедет Иван с письмом, чтобы Екатерина даже рот не раскрывала. Нечего жениха раньше времени пугать.

Так по воле заботливой свахи и попал Петухов к Савельевым.

Уезжал Иван Ильич от Савельевых, в состоянии некото-

рого лёгкого замешательства. В какой-то момент даже подумал дела отложить, на денёк в городе задержаться. Но потом одумался и решил – в другой раз обязательно останется. А теперь и вовсе некогда, дела запланированы, не стоит их отодвигать.

Много в этот раз ездил, много сделал. Часто останавливался и задумывался. Образ Катерины, такой прекрасный, стоял перед глазами неотступно. И как-то сразу в голове его стало складываться всё удобно. Катерина – красавица писаная. Лавка отца – забитая товарами доверху. Опять же близость к деревне. Всё одно к одному. Матушкины причитания вспомнились, скучно ей одной. А тут вон сколько людей в доме, пусть себе и общаются. И как-то далеко в думах Ивана Ильича всё заходило, и родство уже и детишки даже виделись. Ух.

В этот раз, как вернулся домой, только матушка об одиночестве своём заголосила, а Иван Ильич ей:

– Всё, мать, засылай сватов.

Ольга Филимоновна так и села.

– Это куда ж, помилуй Бог?

– К Савельевым. Женюсь, мать. Ты же давно хотела.

– Хотела, ой как хотела, – засутилась матушка. – Ванюша, а ты что же и невесту выбрал?

– А из кого там выбирать, одна чахлая, другая словно та жаба глаза пучит. Там только одна у них в невесты годится. Катерина.

Долго не откладывали, на следующий день послали сватов, пару недель поженились и свадьбу сыграли безо всяких там отлагательств. Уже спустя месяц поселилась Катерина в доме Петуховых к большой радости Ольги Филимоновны и неудовольствию служанки Насти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.